СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Моск. комсомолец, — 1999 — 10 апр. — с. 2

Александр МИХАЙЛОВ: "Когда мне говорят "Талант!", меня коробит"

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Сцена первая

Служебный вход Дворца молодежи. Стою жду. Он с неохотой все-таки согласился встретиться — на вечерней репетиции мюзикла Гурченко "Бюро счастья". Опоздать может и на пять, и на тридцать минут... Я настроилась на худшее. И тут — он. Улыбается. Ни того ни другого я не ожидала. Через секунду он споткнется и зацепится шнуром микрофона о какую-то торчащую железяку. "Господи! Только бы не засмеяться!" — буду говорить я себе и изо всех сил сжимать губы. Но меня, похоже, выдают глаза. Потому что он начинает смеяться сам, и вместо "Здравствуйте!" я слышу: "Ну артистка! Ну артистка же! Тебе бы в кино сниматься, а не журналисткой работать! Ты бы себя со стороны видела!"

Сцена вторая

За кулисами — толпа ассистентов, Николай Фоменко, Алена Свиридова, я и сам Александр Михайлов. Он что-то бормочет себе под нос, и на мой удивленный взгляд отвечает: "Слова, слова повторяю". На сцене — Людмила Гурченко. Энергичная и жесткая, она сразу все мое внимание переключает на себя. Если я рот не открыла, так спасибо Алене Свиридовой: мы с ней давно не виделись.

Сцена третья

Гримерка. Михайлов достает пачку "Парламента": "Сам не знаю, как я на интервью согласился... О чем с журналистами сейчас можно говорить?.."

* * *

— Например, о том, как можно остаться верным своей профессии. Просто остаться на волне, несмотря на трудности. Не спиться. Не умереть от депрессии. Не жаловаться, не скулить. Ну почему вы или Гурченко все-таки работаете, оказались сильнее внешних обстоятельств?

— Почему-почему... Я считаю, что во всем этом есть элемент случайности. Судьба человека состоит из случайностей — они играют огромную роль. Случайность, что нас с Люсей Гурченко свел Меньшов на съемках "Любовь и голуби": и меня могли бы не утвердить на главную роль, и Люся могла бы не сниматься, а отказаться, например. Вот так вот — случайность.

Мы с Люсей оказались очень близкими по духу людьми, у нас с ней сложились очень хорошие отношения. Потом у нас был еще фильм "Нелюдь": я там сыграл такой отрицательный образ, что до сих пор отмыться не могу, — детоубийцу. Вспоминаю фильм с содроганием.

И сейчас у нас еще один проект — мюзикл "Бюро счастья". Почему Люся вышла на меня (сценарий вообще-то писался под другого актера)? Она позвонила мне, и я с удовольствием согласился. Хотя понимал, что будет очень трудно. И сколько я сейчас в спектакле ни играю, каждый раз думаю, что все-таки это не мое: я нелегок, я тяжел, это както для меня неорганично.

— А где вы чувствуете себя как рыба в воде?

— Не знаю. Мне все дается тяжело... Я очень люблю репетиционный процесс — когда ищешь.

— Я слышала, вы обожаете петь...

— Я обожаю петь с детских лет. Русские народные песни и романсы. Я же сибиряк: в Сибири все любят петь — и поют очень хорошо, тепло.

Я знаю огромное число песен. Как-то так получилось: научился играть на гитаре — до пяти аккордов, правда; нотной грамоты я не знаю. Но люблю гитару! Особенно когда тяжело... Вот сегодня еду в Киев на гастроли — возьму гитару с собой, буду песни новые в дороге разучивать.

— Александр Яковлевич, вы скромничаете. Вы ведь и на сцене поете!

— Все это опять-таки случайность. Лет семь назад у нас с Наташей Гундаревой был актерский эксперимент: мы спели на радио песню "Поздняя встреча". Так все и получилось. Кого за это благодарить? Опять судьбу.

К слову, все это произошло вопреки моему хотению, потому что я всегда отказываюсь от всяких экспериментов-предложений — защищаюсь так.

— Как?! Даже если предлагают что-то полезное для вас?

— Просто в первое время не очень доверяю. Я очень осторожно отношусь к людям: столько раз ошибался! И сейчас у меня такая... самозащита. Постоянное преодоление самого себя.

Но вообще я не люблю бездействовать и бездельничать. Хотя во мне, как и во всяком русском человеке, сидит Обломов. Но я стараюсь его в себе всячески подавлять. Например, недавно открыл в себе хорошего строителя. Я закончил ремесленное училище, владел многими инструментами, получил несколько специальностей. Каких? Например, газосварщика. Так что гвоздь вбить всегда мог. Прошло столько времени, а руки до сих пор все помнят: я чувствую материал, чувствую дерево, например... Я сам строю дом. Рядом строит дом мой близкий друг Миша Евдокимов — тоже сибиряк, алтаец, и тоже с настоящей мужской хваткой, — так мы с ним постоянно друг с другом советуемся.

* * *

— А я читала вашу биографию, и там о ремесленном училище — ни слова. Везде пишут, что вы были моряком...

— Да, я мечтал связать свою жизнь с Тихим океаном. И реализовал свою мечту. Потом захотел стать актером — и стал им. Я привык постоянно ставить перед собой какие-то задачи.

— Это такой азарт, спортивный интерес?

— Это происходит помимо меня. Хотя и спортивный интерес тоже.

— Как это можно стать актером из спортивного интереса?

— Это произошло, когда я списался на берег после катастрофы в Охотском море...

— Простите, возможно, не очень тактично с моей стороны... О какой катастрофе вы говорите?

— Мы попали в шторм. Тогда 78 человек погибло. (Михайлов молчит. Закуривает новую сигарету. — **В.С.**) Не хочу об этом рассказывать...

После моря я работал на заводе электромехаником, потом — на швейной фабрике. И случайно попал в круг студентов Дальневосточного университета — они пригласили меня поучаствовать в студенческом театре миниатюр. И мне очень понравилось. Но когда я сказал художественному руководителю, что хочу поступать в театральный институт, он ответил, что у меня нет вообще никаких шансов, он был категорически против — как ушат холодной воды вылил. И я как-то остыл. А через год я посмотрел "Иванова" Чехова — и заболел театром. Конечно, я преодолел массу преград. Тяжело было. Но, слава Богу, я встретил свою жену — человека творческого, — которая всегда рядом, которая мне помогает и понимает меня. А иногда это непросто.

Я такой человек, что никогда не пойду против совести; я привык всего добиваться сам. Например, когда узнал, что моя невеста — дочь адмирала и что ее родители предлагают материальную помощь — квартиру в Ленинграде, — от этих благ категорически отказался. Я никогда не шел к своей цели с чьей-то помощью, даже с помощью близких людей. И сказал жене: "Потерпи. Я сделаю все возможное и невозможное, но рано или поздно я добьюсь своего, и мы будем в Москве. Мы сами должны всего этого добиться". И она этот крест несла со мной.

— И через сколько лет вы поняли, что добились всего, о чем мечтали?

— Ты спрашиваешь об ощущениях радости от того, что я чего-то добился? Тут такая ма-а-аленькая деталь... Я никогда не переоценивал себя. Я очень критично к себе отношусь. И не могу сказать: "Вот, я добился успеха и теперь горжусь собой". Поэтому, когда кто-то говорит про меня: "Талант!" — меня всегда коробит. Я хороший артист, но "талант" — гм-м...

Я просто нормальный человек. Благодаря своему деду, который говорил: "Люби Родину больше, чем свою жизнь. Сердце отдай людям. Душу — Господу Богу. А честь оставь себе". Когда-то я не совсем понимал его слова, но с годами пришел к выводу, что только так и нужно жить.

— Человеку с такими принципами в наше время тяжело жить — тяжело ведь?

— Всякое бывает. Но я же не твердолобый: иногда в общении с людьми приходится искать компромиссы. Хотя я очень не люблю компромиссы.

— Боюсь, что иногда близким вам людям бывает несладко. Но, с другой стороны, на то они и близкие...

— Да-да, несладко. Особенно перед премьерами.

* * *

— Мне кажется, что вы — очень сильный человек. Что помогает быть сильным?

— Я однажды свалился в больницу: на мне врачи поставили крест — уж о театре и кино вообще речи не шло. Но я вышел из больницы. Вышел! Потому что очень хотел жить. Я тогда очень мощно занялся спортом и через полгода вернулся на сцену. Хотя до этого вопрос ставился так: буду жить или нет. Сила человека — в его вере, в его желании жить. Как бы ни было мне плохо, многим бывает в тысячу раз хуже.

— Скажите: когда вы находитесь в душевном равновесии, когда вам хорошо, что вы делаете?

— У меня такого почти никогда не бывает — почти не бывает благостного состояния. И с каждым годом ощущение душевного равновесия я испытываю все реже и реже: "Познавший мудрость умножает скорбь". Я ничего не могу с собой сделать: мне всегда бывает чего-то недостаточно. Мне кажется, сниматься в рекламе, где за три фразы предлагают несколько тысяч долларов, которые я и за несколько лет, может быть, не заработаю, — недостаточно, потому что я знаю, что за этой рекламой стоит. Что и кто. И что люди, которые мне доверяют, поверят. А доверие — оно дорого стоит. Дороже денег.

— Потому что вас предавали?

— Когда меня предают, я стараюсь прощать.

— Но прощать всегда — тяжело...

— Нет, легко. Не случайно каждый год перед Пасхой бывает прощеное воскресенье — потрясающая традиция. И нужно обязательно прощать. Чем больше прощаешь, тем лучше. Может быть, поэтому я богат друзьями.

* * *

— Это правда, что роли могут влиять на жизнь актера и иногда бывают опасными?

— Бывают очень опасными. Есть актеры, которые стараются абстрагироваться от роли, не пропускают ее через себя. Потому что это действительно опасно. Но я — из тех, кто проживает роль, пропускает через свою душу. Последствия? Они иногда бывают непредсказуемы: после некоторых своих ролей я "случайно" падал с крыши, горел, очень сильно болел...

— У вас ведь более ста ролей в кино и театре. И что, каждую роль — вот так, через себя?

— Да. Многие актеры пропускают роли через себя, болеют ими, но предпочитают об этом не говорить — понимаешь, все это не так просто.

Есть роли, которые несут положительные эмоции. Для меня такой была роль в фильме "Мужики!..". А есть и другие: моя первая роль была по Достоевскому, и она сильно повлияла на мою жизнь — до каких-то патологических фатальностей. После "Очарованного странника" я падаю с высоты, ломаю два ребра; через три месяца — попадаю в автокатастрофу, едва не сгораю в гостинице... После таких ролей внутри какое-то сильное опустошение, и нужно время, чтобы не работать и прийти в себя. Но жизнь диктует другие правила. Это только в Голливуде актер получает за фильм гонорар, на который он может отдыхать несколько месяцев после роли.

— Я читала одну рецензию, где некий доброжелатель написал: "Михайлову особенно удаются фильмы, где есть животные и дети"...

- Да... ***(Смеется.)*** Я очень люблю животных. В "Змеелове" я снимался с уникальнейшей коброй — этот вид считается очень редким. Она была самая настоящая змея — ядовитая. Мы снимались на расстоянии пятидесяти сантиметров друг от друга. Меня обучали с ней работать, страховали, рядом всегда была "скорая помощь". У нас с ней сложились самые замечательные отношения, мы с ней расставались чуть не со слезами на глазах... ***(Смеемся.)*** С рысью приходилось сниматься: она по сценарию должна была мне на спину прыгнуть. А рысь — я совершенно точно могу сказать — дрессировке не поддается.

— А вот для фильма "Любовь и голуби" как долго под вас голубей дрессировали? Чтобы они, например, воду изо рта пили?

— Во-первых, это были уже обученные голуби. Во-вторых, я в детстве увлекался голубями, а птицы — они ж это чувствуют. Я с ними буквально три-четыре дня поработал, и они ко мне привыкли: входил в голубятню — они сразу на голову садились. У меня есть фотография, где сразу пять голубей у меня изо рта воду пьют.

* * *

— Правду ли говорят, что ваш сын в свое время был втянут в какую-то религиозную секту? Что вам с трудом удалось его спасти? Более того, ходят слухи, что вам пришлось пригрозить сектантам ружьем...

— Я не сказал бы, что он был втянут в секту. Это была случайная встреча где-то на Тверской — его охмурили "Свидетели Иеговы": они обещали ему какую-то поездку в Америку, соблазнили практикой в английском за границей, — в общем, наобещали манну небесную, как они умеют это делать, и Костя дал им адрес. Мы уже забыли об этой встрече, но через два месяца они появились в моем доме... Я не хочу об этом рассказывать, но все закончилось тем что я достал двустволку и выпроводил их. Больш они не появлялись. И Костя за это мне благодарен.

— Наверное, вашей жене нелегко. Вы олицетворяете идеал мужчины... Что вы головой качаете? По вас сохнут небось тысячи женщин!..

— Да слова это все! Слова! Образ, созданный благодаря ролям в кино...

— Ой, только не говорите, что писем вам не пишут, что цветы после спектакля не дарят и автографы со слезами на глазах не берут! Все равно ведь не поверю...

— А я тебе случай расскажу. Ко мне как-то женщина подошла — сфотографироваться. Подошла, посмотрела и говорит: "Господи! Какой старый!" Иногда люди не понимают, что актеры тоже стареют. Им кажется, что за 17 лет я не могу измениться. Могу! И к таким вещам нужно относиться по крайней мере с юмором.

— Когда вы смотрите "свой" фильм 17-летней давности, что испытываете? Я знаю: многие актрисы, например, не любят смотреть на себя в молодости. А актеры?

— Я оцениваю свои фильмы как профессионал — только с точки зрения того, что бы я в них сейчас изменил (в некоторых фильмах — вообще все!). А если ты спрашиваешь о том, что я испытываю с человеческой точки зрения... Для меня это так же, как смотреть свои старые фотографии, — ничего более.

Сцена четвертая и последняя

Александр Яковлевич вычитывает интервью, а потом неожиданно оборачивается к моей подруге, с которой я пришла на встречу: "Что это вы на меня так смотрите?" — "Кто? Я?" — изумляется подруга и густо краснеет.

И кто, спрашивается, уверял меня, что женщины по нему не сохнут?..

Вика САРЫКИНА.

10.4.99

Михайлов Александр